

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК IX

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета

2016

Главный редактор:

П.К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А.П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А.К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т.Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О.М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е.А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л.Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л.С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С.А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К.А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г.Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л.И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А.С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С.Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О.Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н.И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (Ph.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Ph.D) (Болгария, София)

*Журнал утвержден Научно-техническим советом
Алтайского государственного университета*

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковско-го. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. IX. – 280 с.: ил.

ISSN 2307-4671

Представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №16-21-03001 «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
государственного университета, 2016

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL
AND RELIGION SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

IX ISSUE

Barnaul – 2016

Executive editor:
P.K. Dashkovskiy (doctor of Historical sciences)

The editorial Board:
A.P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A.K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
T.D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O.M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
E.A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences
(Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:
L.N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
L.S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
S.A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
K.A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
G.G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
L.I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A.S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan,
Ust-Kamenogorsk)
D.S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)
O.Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)
N.I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

*The journal is approved by the Scientific and technical council
of Altai state University*

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2016. – IX issue. – 280 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Сериков Ю.Б.</i> Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала	7
<i>Ковалевский С.А.</i> О верованиях и обрядах ирменского населения	30
<i>Дашковский П.К.</i> Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований.....	42
<i>Серегин Н.Н.</i> Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии	66
<i>Кожя М.Б.</i> Огузские поминальные храмы.....	85
<i>Илюшин А.М., Онищенко С.С.</i> Кипчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7.....	101
<i>Рыбаков Н.И.</i> Петроглифы горы Чуртаг и ее окрестностей	108

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Экологические аспекты туркменской охоты.....	122
<i>Бурнаков В.А.</i> <i>Ызых т төс'ы</i> – ‘Священные фетиши’ в культовой практике хакасов (конец XIX – середина XX в.).....	128
<i>Головизнин М.В.</i> Сибирское храмовое барокко в европейском Предуралье: случайность или обратное движение культурной волны с Востока на Запад	141
<i>Нуржанов А.А.</i> Истоки праздника Навруз	170

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Билотас В.</i> Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в.....	182
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Политика духовных властей Томской епархии по активизации открытия и дальнейшего развития начальных	

церковных школ в сельской местности в конце XIX – начале XX в.	192
<i>Кацаева М.В.</i> Иудейские общины Юго-Западной Сибири в начале XXI в.	200
<i>Марсадолова Т.Л.</i> И.М. Сибиряков: от Сибири до Афона.....	208
<i>Почекаев Р.Ю.</i> «Заповедные места» в среднеазиатских ханствах по сведениям русских и путешественников XIX в.....	222
<i>Султанов Т.И.</i> Новый этап имперского политогенеза в Центральной Азии и его кризис (XIII–XVIII вв.)	233

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Дашковский П.К.</i> Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: концепция книги ...	254
<i>Погасий А.К.</i> Кому и как не нужно писать книги по религиоведению (рецензия на учебное пособие «Основы конфессиональных знаний».....	265
Список сокращений	271
Сведения об авторах	273

Валаамские праведники: Старое братское кладбище на острове Валаам / сост. В.Ф. Киселькова, В.Г. Горбачёва. СПб., 2014. 232 с.

Дмитриевский А.А. Русские на Афоне: очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина) (с двумя приложениями и фототипическими картами портретов афонских деятелей). М.; СПб., 2011. 416 с.

Марсадолова Т.Л. Светскость: свет и свят // Концепты культуры и концептосфера культурологии: колл. монография / под ред. Л.В. Никифоровой, А.В. Коневой. СПб., 2011. С. 368–376.

Схимонах Иннокентий (Сибиряков) / сост. С.Ю. Никонова. СПб., 2010. 90 с.
Шмелёв И.С. Старый Валаам. М., 2011. 127 с.

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург*

«ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА» В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВАХ ПО СВЕДЕНИЯМ РУССКИХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX в.*

Анализируется правовой статус «заповедных мест» (куруков) в ханствах Средней Азии XIX в. Куруки представляли собой древний тюркомонгольский земельно-правовой институт, отражавший особый статус земельного владения, доступ в которое был ограничен всем, за исключением лиц, указанных создателем курука, – как правило, монархом. Несмотря на древнее происхождение, этот институт активно применялся в среднеазиатских государствах и в Новое время, однако исследователи не уделяли достаточного внимания его использованию и соотношению с нормами мусульманского права, которое доминировало в правовой системе государств Средней Азии. В статье предпринимается попытка охарактеризовать практику использования куруков в среднеазиатских ханствах XIX в. (Бухарском, Хивинском, Кокандском) на основе сведений русских путешественников в Средней Азии, чья информация существенно дополняет сохранившиеся до нашего

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект №16–01–0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

времени официальные документы среднеазиатских ханств и сообщения ханских придворных историков.

Ключевые слова: Центральная Азия, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Кокандское ханство, запретные места, заповедники, тюрко-монгольское право, мусульманское право.

«Заповедные места» (либо «запретные места»), обозначавшиеся в тюрко-монгольском мире термином «курук» («хориг»), уже давно привлекали интерес исследователей. Уже В.В. Бартольд и Б.Я. Владимирцов в первой трети XX в. характеризовали куруки как некие запретные места внутри ханских владений, доступ в которые был позволен либо только самим членам ханского рода, либо узкому кругу их доверенных лиц. В.В. Бартольд (1966, с. 383–384), считая, что термин «курук» имел уйгурское происхождение, включал в число таких куруков ханские кладбища, дворцы и гаремы. Б.Я. Владимирцов (1934, с. 112) полагал, что любой аристократ-земледелец мог внутри своих владений установить запретное место для семейного кладбища. В дальнейшем к характеристике куруков обращались и другие исследователи истории кочевых народов Центральной Азии. В частности, А.М. Хазанов рассматривал их как некое общинное владение, распоряжаться которым мог правитель, выполнявший лишь функции администратора, но никак не собственника, и ограничение на пользование куруком устанавливалось в интересах его подданных с учетом важности соответствующих территорий для жизни кочевников. Если же он вводил постоянные запреты на доступ к соответствующим территориям, то он, по мнению исследователя, злоупотреблял своими властными полномочиями (Хазанов А.М., 2002, с. 224–225).

Курукам посвящен ряд специальных исследований, наибольший интерес из которых представляют работы С.В. Дмитриева о куруках в государстве Шайбанидов XVI в. (Бухарском ханстве) и Ю.И. Дробышева, представившего подробную ретроспективу развития «заповедных мест» в Центральной Азии с эпохи хунну и до позднего средневековья. Опираясь на средневековые источники и ранее проведенные исследования, авторы выявили целый ряд разновидностей куруков – охотничьи угодья (заказники), пастбища, места погребения представителей правящего рода, территории для сбора войск, места хранения природных ресурсов, места отдыха.

Оба автора, помимо тщательного анализа источников и составления подробной классификации куруков, пришли к весьма важным, на наш взгляд, выводам. Так, С.В. Дмитриев (2006, с. 154–155), отме-

чая древнее происхождение куруков, утверждает, что этот древний земельно-правовой институт по мере развития общественных отношений в Центральной Азии также развивался и претерпел существенные изменения по сравнению с тем, который существовал в древности и раннем средневековье. К весьма интересному и заслуживающему внимания выводу пришел Ю.И. Дробышев. Давая развернутую характеристику куруков и их предназначения, он отметил, что этот институт имел не только очевидное экологическое (природоохранное) значение, но и социально-политическое значение, причем еще и ритуальное. По мнению исследователя, учреждая куруки, вводя запреты на доступ к ним и наказания за нарушение таких запретов, тюрко-монгольские правители демонстрировали свою власть не только над подданными, но и над природой, упорядочивая организацию не только социальной жизни, но и географического пространства в пределах своих владений (Дробышев Ю.И., 2005, с. 44; см. также: Дробышев Ю.И., 2014, с. 219).

Исследователи, как уже отмечалось, ограничились анализом древних и средневековых «заповедных мест», в настоящей же статье предпринимается попытка рассмотреть существование куруков в среднеазиатских ханствах более позднего периода – XIX в. Автор намерен проследить эволюцию куруков, выявить правовые механизмы их возникновения и охраны, отношение к их существованию местного населения. При этом большой интерес представляет ответ на вопрос, каким образом этот древний тюрко-монгольский земельно-правовой институт оказался интегрирован в систему правоотношений, основу которых в XIX в. составляло уже мусульманское право.

Нельзя сказать, что «заповедные места» в среднеазиатских ханствах Нового времени (в том числе и в XIX в.) не привлекали внимания исследователей. Отдельные вопросы, связанные с существованием куруков, затронуты в масштабном труде М.А. Абдураимова об аграрных отношениях в Бухарском ханстве, а также и в исследованиях П.П. Иванова и А.Л. Троицкой, посвященных изучению архивов, соответственно, Хивинского и Кокандского ханств середины XIX в. Более того, А.Л. Троицкая (1955) на основе анализа архивных материалов опубликовала обширную статью о куруках Худояра – предпоследнего правителя Кокандского ханства.

В самом деле, архивные материалы содержат ценнейшие сведения о «заповедных местах»: их географическом расположении, функциональной принадлежности, в ряде случаев – о сборах с населения за пользование такими территориями. Однако в подобных документах мы, как правило, не находим ни обстоятельств возникновения куру-

ков, ни о том, насколько они оказывались востребованы для учредивших их лиц, ни об отношении к ним ханских подданных. Дополнительную информацию можно почерпнуть из свидетельств очевидцев, причем иностранных, имевших возможность взглянуть на политико-правовые реалии среднеазиатских ханств со стороны, а также и пообщаться с представителями местных властей и населения. В рамках настоящего исследования привлекается информация русских путешественников, посетивших среднеазиатские ханства в XIX в. Сразу отметим, впрочем, что понятие «путешественник» в данном случае используется в широком смысле: среди русских, посетивших среднеазиатские ханства в рассматриваемый период времени, были дипломаты, военные разведчики, а после установления российского протектората над Кокандом, Бухарой и Хивой – еще и представители пограничной имперской администрации, бывавшие в ханствах с инспекционными поездками. Представляется интересным рассмотреть их информацию в сочетании с другими источниками информации – вышеупомянутыми документами из ханских архивов и сведениями среднеазиатских историков.

На основе сведений источников можно утверждать, что в позднем средневековье куруки как тип землевладения получили наибольшее развитие в Бухарском ханстве, правители которого многое сделали для того, чтобы этот тюрко-монгольский институт был признан в условиях роста значения мусульманского права. Это было достигнуто за счет того, что владения, имевшие статус куруков, стали жаловаться (а в некоторых случаях – и продаваться) влиятельным представителям мусульманского духовенства, которые, таким образом, и сами приобретали заинтересованность в сохранении их статуса как «заповедных мест» или даже обращаться в вакф. Впервые такая практика стала применяться еще при последних Тимуридах, – в частности, уже под 1490 г. упоминается о куруке, составлявшем часть вакуфных владения медресе Султан-Шахида (Самаркандские документы, 1974, с. 273). В дальнейшем, уже в Бухарском ханстве Шайбанидов, в XVI в. продолжилась практика перехода куруков в руки влиятельных духовных лидеров – джуйбарских ходжей. Причем политическая ситуация в ханстве (многовластие представителей ханского рода Шайбанидов, а в XVII в. – и сменивших их Аштарханидов, феодальная раздробленность и пр.) привела к тому, что правом владения и распоряжения куруками обладали уже не только ханы, как это было в прежние времена, но и члены ханского рода и влиятельные представители родоплеменной аристократии: имеются документы о продаже куруков ход-

жам Джуйбари представителями эмирских родов (Абдураимов М.А., 1970, с. 83, 86; Иванов П.П., 1954, с. 73, 75, 203, 323).

Однако в Бухарском же ханстве (и впоследствии в эмирате) практика существования куруков, по-видимому, раньше, чем в других среднеазиатских ханствах, сошла на нет. Есть все основания полагать, что многочисленные географические объекты, даже включавшие в свое название элемент «курук» на территории Бухары, уже не обладали статусом «заповедных мест» и сохраняли такие названия по инерции. Так, российский военный чиновник Г.А. Арендаренко (1889, с. 161, 313), несколько лет проведенный при дворе бухарского эмира в качестве представителя туркестанского генерал-губернатора, писал в своих воспоминаниях, что куруками именовались всего лишь особые участки земли – прибрежные полосы или специально осушенные участки для выращивания риса, и никакого особого статуса они не имели. Полагаем, что в прежние времена эти землевладения могли, и в самом деле представлять собой куруки, т.е. владения, имевшие важное военное или экономическое значение, но к XIX в. утратили его, сохранив лишь древнее название. Вполне возможно, что бухарские эмиры, претендуя на роль главы всех мусульман Средней Азии, сознательно отказались от использования куруков как земельно-правового института, не признававшегося мусульманским правом.

В Хивинском ханстве куруки сохранялись в куда большей степени, однако нельзя не отметить, что сам термин, в отличие от Бухарского эмирата, использовался в Хиве гораздо реже. Более того, сведения и архивных документов ханства, и русских путешественников, посетивших Хиву в XIX в., не отличаются точностью в вопросе характеристики статуса земельных владений ханов, поэтому представляет большую сложность извлечь из них информацию именно о куруках – а не просто «удельных владениях», т.е. личном и семейном домене хивинских ханов (см.: Иванов П.П., 1937, с. 40).

Так, капитан Н.Н. Муравьев (будущий выдающийся военачальник Крымской войны Муравьев-Карский), посетивший в 1819–1820 гг. Хивинское ханство, упоминает о собственных ханских владениях, среди которых выделяет как земли, конфискованные после казни ханом изменников, так и особые владения, – в частности, сады и каналы. Последние, по словам Н.Н. Муравьева, хан сдавал на откуп частным лицам, от которых получал доход (Путешествие, 1822, с. 80, 81). Однако есть основания полагать, что речь идет именно о куруках – территориях, имевших важное экономическое (каналы и прочие водоемы) или рекреационное (сады) значение. Сообщение о сдаче «на от-

куп» этих объектов позволяет провести параллель с политикой монгольских ханов XIII–XIV вв. в отношении куруков: в частности, известен указ одного из монгольских ханов – императоров династии Юань уйгурскому идикуту первой половины XIV в., в котором хан предписывает своему вассалу охранять куруки – земельные угодья и водные источники – и не позволять местному населению пользоваться ими без разрешения (Тихонов Д., 1966, с. 128). Вполне возможно, что российский дипломат воспринял как «сдачу на откуп» именно подобную передачу садов и каналов, имеющих важное значение для ханства, под управление уполномоченных ханских чиновников. Вместе с тем нельзя исключать и то, что ханы с целью увеличения собственных доходов и в самом деле могли сдавать куруки в аренду – о такой практике сообщает еще один российский дипломат Е.Б. Килевейн (участник посольства в Хиву под руководством полковника Н.П. Игнатьева в 1858 г.). По его сведениям, ханские земли и сады сдаются частным лицам в аренду, за что те отдают хану треть своего урожая или иного дохода (Килевейн Е.Б., 1861, с. 108). В соответствии с вышеприведенной трактовкой А.М. Хазанова, хивинские ханы допускали превышение своих властных полномочий, практикуя сдачу «заповедных мест» в аренду.

В отличие от «природных заповедников» в Монголии и других регионах, где преобладало кочевое население, в оседлых регионах Средней Азии куруки не только ограждались от проникновения туда посторонних, но и всячески обустроивались правителями. Неудивительно, что они служили местами не только для сохранения природных ресурсов или охоты, но и для отдыха (Дробышев Ю.И., 2014, с. 214–215). Такие места в Хивинском ханстве фигурируют и в хивинских исторических сочинениях, и в свидетельствах русских дипломатов под названием «сады» («баг»). Однако название не должно вводить в заблуждение: «сад» состоял не только из совокупности фруктовых насаждений и сопутствующей хозяйственной инфраструктуры – зачастую это были обширные комплексы, включавшие и ханские дворцы, и водоемы, и места для отдыха и охоты. Например, согласно сообщению хивинского сановника и придворного историка Агахи, в 1856 г. хан Сайид-Мухаммад посетил местность Гендумкан, в которой устроил сад, позволив им пользоваться только себе, членам ханского рода и представителям высшей знати (см.: Иванов П.П., 1937, с. 47–48). Своеобразной гарантией того, что ханские подданные не станут самовольно проникать в это «заповедное место», стало то, что, по сообщению Н. Залесова (1859, с. 275) (еще одного участника мис-

сии полковника Игнатьева), все работники, обслуживавшие «сад» Гендумкан, являлись рабами-персами – таким образом, запрет ханским подданным (свободным) бывать в этом «заповедном месте» соблюдался буквально!

Тот факт, что подобные «сады» являлись куруками, подтверждается сообщением Агахи об одном из походов хана Сайид-Мухаммада: по пути он остановился в саду (это позволяет провести параллели с вышеупомянутыми наблюдениями С.В. Дмитриева о военном значении куруков в государстве Шайбанидов), который, будучи окружен со всех сторон владениями ханского брата Сайид-Махмуда, сам, однако, к числу его владений не относился (Иванов П.П., 1937, с. 52). Таким образом, в отличие от Бухары, где куруками могли распоряжаться различные представители власти и даже влиятельного духовенства, в Хиве «заповедные места» оставались в ханском ведении. Важное значение «садов» нашло отражение и в том, что именно в таком «заповедном месте» была размещена и дипломатическая миссия полковника Игнатьева (Залесов Н., 1871, с. 64) – это прямо свидетельствует об использовании «садов» как мест для отдыха, что практиковалось еще со времен средневековья.

Наконец, институт «заповедных мест» позволял хивинским ханам существенно увеличивать свои собственные владения, причем при этом удивительным образом сочетались элементы древнего тюрко-монгольского и мусульманского права. Одной из категорий земли, предусмотренных шариатом, являлись так называемые *пустые* или *мертвые* земли (*замин-и мавот*), которые А.А. Семенов, выдающийся советский востоковед (а прежде имперский чиновник в Туркестанском крае, сам неоднократно бывавший с поездками в ханствах Средней Азии), остроумно сравнил с «кабинетскими» землями в Российской империи. Согласно шариату, контроль над этими землями осуществлял монарх, однако любое лицо имело право (с разрешения монарха) взяться за их обработку и, «оживив», имело право приобрести такие земли в собственность (Семенов А.А., 1929, с. 40–41). Ханы, не желая лишаться подобных земель, преобразовывали их в «сады», тем самым делая их закрытыми для своих подданных (Иванов П.П., 1937, с. 49–51).

Еще один способ превращения общедоступной территории в «заповедное место» описан А.И. Бутаковым – выдающимся ученым-географом, который в 1848–1863 гг. являлся начальником Аральской флотилии и в качестве такового совершил ряд экспедиций на территорию Хивинского ханства. Он упоминает остров Токмак-Ата, который хан объявил запретным для кочевков своих подданных на том ос-

новании, что здесь была обнаружена могила святого, и место стало объектом паломничества. При этом паломники имели право посещать могилу только после того, как сдавали ханским чиновникам определенное количество ягод «джиды» (Дневные записки, 1953, с. 39). Как видим, в данном случае весьма причудливо сочетаются тюрко-монгольские и исламские элементы: основанием для учреждения «заповедного места» стало нахождение здесь могилы мусульманского святого!

Гораздо больше сведений имеется о куруках в Кокандском ханстве, которым посвящены специальный раздел монографии Р.Н. Набиева (1973, с. 133–162) о феодальном хозяйстве хана Худояра и вышеупомянутая обширная статья А.Л. Троицкой. Эти исследователи, опираясь на комплекс документов из архива хана Худояра, весьма подробно описывают процесс образования куруков (путем прямого захвата ханом общинных земель и объявления их «заповедными местами»), их виды и экономическое значение, расположение, функционирование курукчи – специальных сторожей-надсмотрщиков, налоги и сборы, взимавшиеся с местного населения за право доступа на территорию куруков для рубки дров, сбора хвороста и пр. Привлекают они и сведения русских чиновников, побывавших на территории Кокандского ханства вскоре после его присоединения к России и преобразования в Ферганскую область Туркестанского края – в частности, А.А. Куна, Н.Н. Пантусова, В.П. Наливкина. В самом деле, их сведения существенно дополняют и оживляют информацию о куруках, почерпнутую из архивных документов.

Так, например, Н.Н. Пантусов упоминает, что при хане Худояре существовал особый сбор «чоб-пули» за право рубить дрова на территории ханских куруков. Только за пользование куруками в округе одного лишь Коканда этот сбор составлял 4 000 тенге (Пантусов Н.Н., 1876). А.А. Кун (1876, с. 6–7) еще более жестко оценивает налоговую политику хана Худояра, в том числе и налоги и сборы за пользование ханскими куруками: «Брали подать за хворост, камыш, колючку и т.п., которые бедные люди собирали с полей на продажу. В последнее время говорят, когда все было уже обложено сбором, учредили налог на право пользования водой, проведенной каналами из горных речек, оставался один воздух, за право дышать которым не бралось ничего».

Весьма яркий пример создания курука – причем опять же (как и в Хиве) с элементами традиционного тюрко-монгольского и мусульманского права, приводит В.П. Наливкин. Участок общинной земли кишлака Катаган под Наманганом был затоплен водами Сырдарьи, однако позднее вода отхлынула, и образовалась отмель, при-

годная для земледелия. Жители кишлака принялись за ее обработку, но ханские чиновники заявили, что пахотная земля возникла «из ниоткуда», по божьей воле, и, следовательно, должна принадлежать тому, кто представляет интересы бога на земле – т.е. хану, тут же объявившему отмель куруком. И наманганский кази оформил соответствующий документ (Наливкин В., 1886, с. 206–207). Как видим, учреждение «заповедного места» на основе древних традиций было оформлено в соответствии с мусульманским правом!

Ознакомление с документами из архива хана Худояра в сочетании с вышеприведенными свидетельствами российских современников создает впечатление, что именно этот монарх (правление 1844–1875 гг., с тремя перерывами) активно развивал систему куруков в ханстве. Еще один российский военный чиновник А.П. Хорошхин (1876, с. 47), побывавший в Коканде под конец правления Худояра, даже приводит своеобразное «объяснение» причин такой деятельности хана: Худояр очень любил соколиную охоту и поэтому, совершая поездки по стране, постоянно останавливался в специальных «заказниках» для своего любимого развлечения, все более увеличивая число этих «заповедных мест».

Однако стоит учесть, каким временем датируются сообщения российских чиновников. Свидетельство А.П. Хорошхина относится к 1867–1868 гг., когда ханство признало российский протекторат. Работы А.А. Куна и Н.Н. Пантусова появились в 1876 г. – «по горячим следам» сразу после присоединения Кокандского ханства к России. Книга В.П. Наливкина увидела свет в 1886 г. Как известно, в 1875 г. в Коканде началось восстание, носившее антиханский и антироссийский характер, Худояр не сумел справиться с ситуацией и бежал из страны под защиту туркестанских властей, которые, однако, не стали помогать ему, а отправили в почетную ссылку в Оренбург. Годом позже ханство было присоединено к России. Несомненно, давая столь уничижительную характеристику хану Худояру, российские чиновники стремились показать его неэффективность как правителя, сформировать как можно более нелюбимый образ и тем самым обосновать необходимость и целесообразность распространения российской власти на территорию ханства. Но если мы обратимся к сообщениям русских путешественников более раннего времени, то убедимся, что Худояр был далеко не единственным кокандским правителем, повышавшим уровень собственного благосостояния путем учреждения куруков.

Так, Филипп Назаров, переводчик Сибирского корпуса, побывавший в Коканде в 1813–1814 гг., сообщает о том, что правивший

тогда Омар-хан (ум. 1822) имел луга под Маргеланом, где развлекался охотой – в том числе тигровой и барсовой (Записки, 1821, с. 60). Его сведения совпадают и с сообщениями кокандского историка Ходжи Мухаммада Хаким-хана-торе, который также описывает охотничьи угодья Омар-хана вокруг озера с полями, помещьем, садом, цветниками и пр. (см.: Троицкая А.Л., 1969, с. 6). В анонимном «Обзрении Кокандского ханства» сообщается об аналогичных развлечениях Мухаммад-Али-хана (ум. 1842) – сына и наследника Омара, который с многочисленной свитой совершал многомесячные кочевки по своим заповедным лугам, где также охотился (Обзрение, 1849, с. 189). Налог за рубку дров на территории ханских куруков первым стал взимать также не Худояр, а его старший брат Малла-хан (ум. 1862) (Троицкая А.Л., 1955, с. 124). Таким образом, свидетельства российских же путешественников (равно как и отдельные документы из ханских архивов) дают основания утверждать, что хан Худояр всего лишь следовал ранее сложившейся практике – пусть и весьма энергично.

Таким образом, мы можем видеть, что институт «заповедных мест» (куруков) в ханствах Средней Азии довольно широко использовался и в XIX в., существенно, впрочем, изменившись со времен древности и средневековья. Во-первых, если прежде среднеазиатские ханы учреждали куруки в пределах собственных владений, но теперь они делали это в отношении общинных земель, тем самым увеличивая свой домен. Во-вторых, древний тюрко-монгольский институт достаточно органично вписался в систему мусульманского права, и порой создание куруков базировалось на мусульманских ценностях или же оформлялось путем составления правовых документов, принятых в системе мусульманского права. Как мы убедились, сведения российских путешественников, пусть и не ставивших целью дать подробную характеристику куруков в XIX в., тем не менее служат весьма ценным дополнением к архивной документации и сообщениям среднеазиатских историков, позволяющим в одних случаях проверить, а в других – и уточнить их информацию.

R.Yu. Pochekaev

“FORBIDDEN PLACES” IN CENTRAL ASIAN KHANATES BASED ON INFORMATION OF RUSSIAN TRAVELERS OF THE 19TH C.

This article devoted to legal status of “forbidden places” (quruqs) in Central Asian khanates of the 19th c. Quruq is an ancient Turkic-Mongol legal institution reflected specific status of landownership closed for all people excluding persons determined by creator pf quruq (khan as a rule). Despite

the ancient origination quruqs were actively used in Central Asian khanates even during the Modern Age, but researchers didn't pay enough attention to its use and its correlation with Islamic law which was a basic element of Central Asian legal system this time. The article is an attempt to characterize practice of using quruqs in Central Asian khanates of the 19th c. (Bukhara, Khiva, Khoqand) on a base of information of Russian travelers in Central Asia as it essentially supplements an information of official documents and Central Asian court historians.

Key words: *Central Asia, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, Khoqand Khanate, forbidden places, preserves, Turkic-Mongol law, Islamic law.*

Библиографический список

Абдураимов М.А. Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX в. Ташкент, 1970. Т. 2. 287 с.

Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874–1889. СПб., 1889. 666 с.

Бартольд В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. IV. С. 377–396.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. М.; Л., 1934. 223 с.

Дмитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 143–158.

Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1848–1849 гг. Ташкент, 1953. 58 с.

Дробышев Ю.И. К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник. 2003/2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 30–47.

Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М., 2014. 608 с.

Залесов Н. Письма из Хивы // Военный сборник. 1859. №1. С. 273–295.

Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. // Русский вестник. 1871. Т. 92. С. 42–82.

Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 гог. СПб., 1821. 98 с.

Иванов П.П. «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856–1865) // Записки Института востоковедения АН СССР. 1937. Т. VI. С. 27–59.

Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л., 1954. 400 с.

Килевейн Е.Б. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. 1. Отд. II. С. 95–108.

Кун А. Очерк Кокандского ханства. СПб., 1876. 12 с.

Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973. 388 с.

- Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. 215 с.
- Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Русского географического общества. 1849. Кн. III. С. 176–216.
- Пантусов Н.Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве // Туркестанские ведомости. 1876. №17.
- Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Ч. II. 144 с.
- Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974. 631 с.
- Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства (Труды Средне-Азиатского государственного университета. Сер. II: Orientalia. Вып. 1). Ташкент, 1929. 54 с.
- Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966. 288 с.
- Троицкая А.Л. «Заповедники»-курук кокандского хана Худояра // Сборник Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Т. III. С. 122–156.
- Троицкая А.Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. по документам архива кокандских ханов. М., 1969. 156 с.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. 604 с.
- Хорошхин А.П. Очерки Коканда // Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 39–52.

Т.И. Султанов

*Восточный факультет Санкт-Петербургского
государственного университета*

НОВЫЙ ЭТАП ИМПЕРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕГО КРИЗИС (XIII–XVIII вв.)

Создание империи Чингиз-хана ознаменовало новый этап в политическом развитии центральноазиатского региона, сопровождавшийся ломкой прежде существовавших политических институтов, средств легитимации власти и системы управления. В статье дается характеристика основных изменений политического устройства Монгольской империи и государств Чингизидов, рассматриваются общие принципы прихода к власти монархов, особенности взаимоотношения их со своими подданными, прослеживается эволюция имперских политических институтов в условиях кризиса чингизидской системы управления в результате распада имперских государств и возникновения новых государственных образований в отдельных регионах некогда об-